

УДК 72.023; 7.033.2
ББК 85.11
DOI:10.18688/aa155-3-32

Д. Д. Ёлшин

Меандр в кирпичном декоре древнерусских храмов

Ставшее отличительной чертой национального средневекового русского зодчества и узнаваемое с первого взгляда узорочье кирпичного орнаментального декора фасадов новгородских и московских церквей имело предысторию еще в домонгольское время. Применение керамопластики известно уже в самых первых памятниках Киева и Чернигова, возведенных в византийской смешанной каменно-кирпичной технике кладки. Тема кирпичного декора, неразрывно связанная с вопросами стилистического и строительно-технического разнообразия в архитектуре Древней Руси XI–XIII вв., до сих пор не удостоилась специального исследования. Существенным ограничением для него является малое количество памятников, стены которых сохранились на достаточную высоту. Тем не менее имеющийся материал, полученный в ходе масштабных реставрационных и археологических исследований XX в., дает значительные возможности для обобщения и постановки проблем.

Одним из самых ярких мотивов кирпичного декора, характерным только для этого периода, является меандр, словно символизирующий перцепцию античной европейской цивилизации и культуры. Как ни странно, подробного исследования этого мотива в древнерусской архитектуре не существует¹.

Наиболее ранним образцом меандра в древнерусской архитектуре считаются фризы Спасского собора в Чернигове (ок. 1036). На центральном прясле западного фасада меандровый фриз размещен дважды: в уровне пят сводов угловых компартиментов и в уровне пола деревянных хор, причем в последнем случае фриз довольно неуклюже сочетается с двумя плоскими нишами по сторонам от западного портала (Рис. 1). Оба пояса ныне раскрыты в зондажах. Рисунок меандров — один из простых, составлен из двух непересекающихся линий кирпичей, образующих симметричные П-образные элементы, не задающие направления меандра (псевдомеандр) (Рис. 2, 5). Пояс меандра более сложного рисунка был обнаружен в верхней части барабана. Состоящий из разнонаправленных элементов Г-образной формы, меандр образован одной непрерывной

¹ Ближе всех к специальному исследованию древнерусских меандров подошел архитектор-реставратор Н. В. Холостенко, о чем свидетельствуют его схемы, опубликованные в малоизвестной статье 1973 г. (Рис. 2) [15]. В работах другого исследователя, Ю. С. Асеева, меандровые фризы помещены на графических реконструкциях тех построек, в которых для этого неизвестно никаких оснований (Десятинная церковь в Киеве, Софийский собор в Полоцке и Михайловский собор в Переяславле [2, с. 45, 60, 95], церковь на Митрополичьей усадьбе (на Стрелецкой ул.) в Киеве [1, с. 73]).

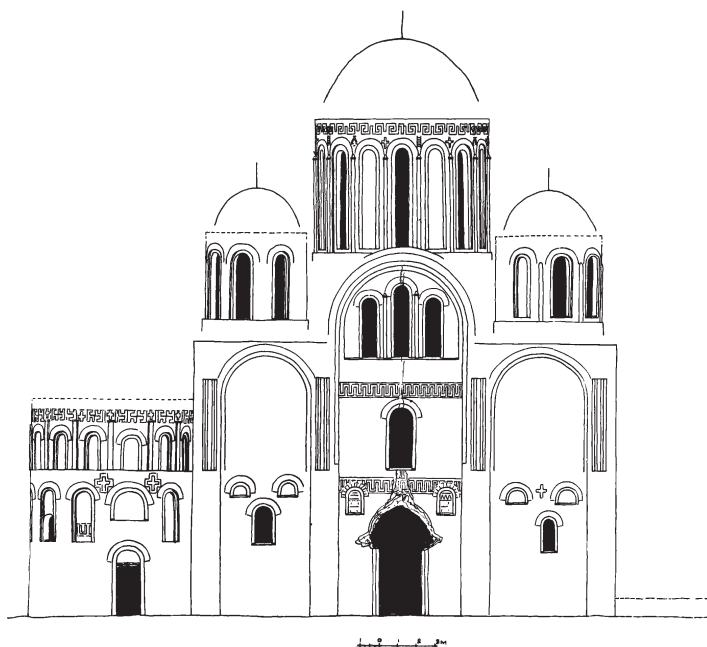

Рис. 1. Реконструкция западного фасада Спасского собора в Чернигове по материалам реставрационных исследований (по [14, рис. 9])

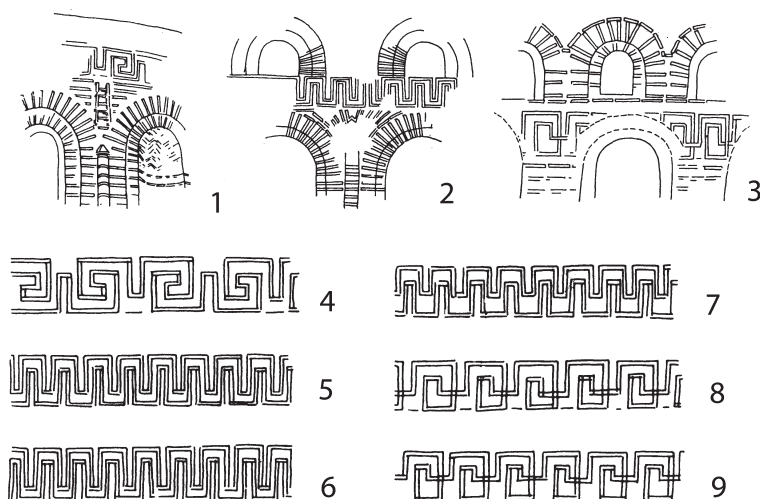

Рис. 2. Схемы поясов меандра в древнерусских храмах (по [15, рис. 8], атрибуция автора)

1. Барабан центрального купола Спасского собора в Чернигове
2. Барабан центрального купола Софийского собора в Киеве
3. Барабан центрального купола собора Михайловского Златоверхого монастыря
4. Сложный меандр купола Спасского собора в Чернигове
- 5-7. Двойные П-образные меандры (барабан центрального купола Софийского собора в Киеве, фасады собора Михайловского Златоверхого монастыря, церкви на усадьбе Художественного института, церкви Спаса на Берестове)
- 8-9. Сложные меандры (Успенский собор Киево-Печерского монастыря (?), барабан центрального купола собора Михайловского Златоверхого монастыря)

ломаной кирпичной линией² (Рис. 2, 1 и 4). Наконец, еще один, наиболее известный фриз украшает округлый фасад лестничной башни собора над вторым ярусом плоских ниш. Этот пояс не образует непрерывной ленты, а состоит из отдельных свастикообразных элементов, оформленных кирпичными «рамками» и перемежающихся с кирпичными крестами, размещенными над тонкими полуколонками.

Аналогичный свастикообразный элемент в одиночном употреблении известен в оформлении фасада внешней северной галереи Софийского собора в Киеве (ок. 1037) [4, табл. XXII]. Здесь он появляется практически у поверхности земли. Элемент относится к закладке внешней тройной аркады галереи, то есть к одному из самых последних этапов возведения комплекса собора. Характер употребленной плинфы тем не менее не позволяет датировать закладку позднее второй трети XI в. Единственный меандровый фриз Софии Киевской размещен в верхней части барабана между окнами и поясом полукруглых ниш (Рис. 2, 2 и 6). Меандр имеет такой же двойной П-образный рисунок, как и меандры на западном фасаде Черниговского Спаса [4, с. 147–150].

На основании сходства рисунков меандра наряду с другими строительно-техническими чертами Н. В. Холостенко полагал, что в строительстве черниговского собора присутствовала «рука софийских мастеров» [14, с. 9; 15, с. 22]. Вполне вероятно, что кирпичный декор обоих памятников был выполнен одной группой мастеров-строителей³.

Фрагменты меандровых фризов известны по архитектурно-археологическим исследованиям руин и блоков кладки разрушенного Успенского собора Киево-Печерского монастыря (1073–1089). К сожалению, обмерные чертежи этих важнейших работ до сих пор опубликованы лишь частично. Результаты исследований были обобщены Н. В. Холостенко в ряде графических реконструкций фасадов храма. Согласно этим схемам, меандровые фризы располагались под карнизом на апсидах [13, с. 346], в уровне пола хор на всем западном фасаде и в центральных пряслах боковых фасадов [11, с. 144, 158–160].

Успенский собор на долгое время стал эталонным образцом для киево-черниговской архитектурной школы. Исследователи неоднократно отмечали сходство с ним собора Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве, перед разрушением которого И. В. Моргилевскому удалось сделать подробную фотофиксацию кладок со сбитой штукатуркой. На прорисовке, выполненной Н. В. Холостенко с фотографии барабана собора, отмечен меандр сложного рисунка. Одна кирпичная линия образовывала соединенные элементы, места пересечения линии имеют вид неправильных свастик⁴

² Сейчас зондаж на барабане Спасского собора вновь заштукатурен, но характер этого меандра хорошо виден на фотографии А. И. Комеча [5, с. 21–22], см. также [14, с. 9]. Элемент этого фриза стал основой для меандра на гипотетической реконструкции Золотых ворот в Киеве, воплощенной в натуральную величину по проекту Е. И. Лопушинской в 1982 г.

³ Отметим, что пока вряд ли возможно достоверно решить вопрос о том, что было построено раньше — купола и галереи Киевской Софии или же верхние части и лестничная башня Черниговского Спаса. Оба памятника возводились в несколько этапов, кроме того, продолжается дискуссия о времени возведения Софии Киевской (последнее обобщение и версию см. [6]).

⁴ К сожалению, опубликованная фотография [4, с. 281] не дает возможности оценить точность прорисовки Н. В. Холостенко, который, видимо, пользовался оригиналом снимка И. В. Моргилевского.

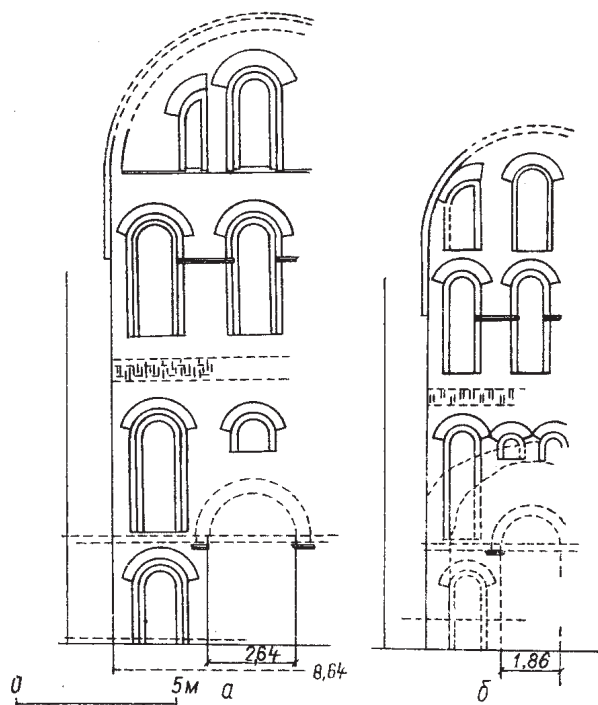

Рис. 3. Реконструкция фасадов Успенского собора Киево-Печерского монастыря и собора Михайловского Златоверхого монастыря [11, рис. 23].

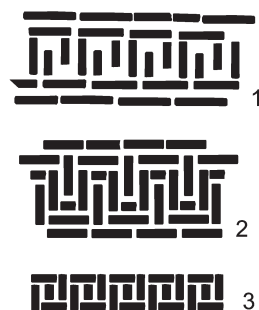

Рис. 4. Схемы меандров:
1) кафоликон Осиос Лукас, Фокида;
2) базилика Санагире, Кахетия;
3) Пицундский собор, Абхазия.
Прорисовки автора.

Рис. 5. Кафоликон Осиос Лукас.
Рисунок по первоначальной обмозке.
Фото автора 2007 г.

(Рис. 2, 3) [15, рис. 8]. На реконструкции, составленной самим И. В. Моргилевским, отмечен только хорошо видный и на фотографиях меандровый фриз двойного П-образного рисунка, опоясывавший весь храм в уровне пола хор (Рис. 3)⁵ [4, с. 278—279; 11, с. 160–161]. Об аналогичном поясе свидетельствует фрагмент блока кладки западного прясла южной стены неизвестной церкви рубежа XI–XII вв. на Копыревом конце в Киеве (церкви на усадьбе Художественного института), раскопанной М. К. Каргером в 1947 г. [4, с. 398–399, табл. XLIX]. На гравюре с рисунка А. ван Вестерфельда 1651 г., изображающей этот храм, или Михайловский собор (по М. К. Каргеру), или же неизвестный нам памятник того же времени, хорошо виден аналогичный пояс на западном фасаде, а также пояс меандра в верхней части центральной апсиды ([4, с. 284–286; 11, с. 160]). Таким образом, для этой группы киевских памятников последней трети XI —

⁵ На схеме сравнения фасадов [12, с. 158, рис. 23а] можно заметить, что меандр Успенского собора имел более сложный рисунок, чем на фасаде Михайловского собора. Обмерный чертеж меандра Успенского собора не был опубликован. Полагаем, что ему соответствует один из вариантов на собранной Н. В. Холостенко сводной схеме меандров (Рис. 2, 8 или 9) [15, рис. 8], хотя достоверность рисунка обоих случаев сложного меандра требует проверки по оригинальным материалам фиксации. Меандр на барабане Успенского собора, приведенный на других реконструкциях, является чистым предположением, поскольку купол был полностью перестроен в XIII в. [11, с. 144; 12, с. 159–160].

начала XII в. характерно систематическое применение мотива простого меандра в четко определенных уровнях фасадов при общей лаконичности и даже скупости архитектурного языка (кроме меандров известны лишь зубчатые карнизы и редкие кирпичные кресты). Одинокий пояс меандра имел структурно-организующее значение в композиции фасадов; подобно фасадным лопаткам, отражавшим структуру внутренних опор, с помощью фриза выявлялась структура внутренних горизонтальных членений храма.

Из этого списка выделяется киевская церковь Спаса на Берестове (начало XII в.), очевидно, более богатая кирпичной декорацией (кресты разнообразных форм), о чем можно судить несмотря на то, что до наших дней сохранились на всю высоту лишь стены нартекса. Фриз П-образного меандра венчает северный фасад нартекса, необычно располагаясь в уровне пяты свода придела (Рис. 2, 7). Еще М. К. Каргер отмечал, что техника кладки Спасской церкви существенно отличается от киевских построек и более близка характерной полоцкой строительной технике XII в. [4, с. 390]. Аналогичное размещение фриза П-образного меандра раскрыто в 2012 г. на западных членениях южного фасада собора Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке (середина XII в.) [7, с. 45–46]. Сходство декора этих памятников дает дополнительное подтверждение преемственности между киевской и полоцкой архитектурными школами в первой половине XII в. (см. [8, с. 59–60]).

Особняком стоит памятник рубежа XII–XIII вв., в котором мы снова видим использование меандрового фриза, — церковь Параскевы Пятницы в Чернигове. Меандр двойного П-образного рисунка размещен на боковых фасадах в уровне пола хор, на западном фасаде в том же уровне его сменяет пояс бегунца, окаймленного зубчатыми фризами. Исследователи видели в этом памятнике слияние архитектурных черт, характерных для киевской, смоленской и гродненской школ [10, с. 290–291]. Следует отметить, что в этих строительных центрах неизвестно использование кирпичной декорации в виде меандра во второй половине XII в. Плохая сохранность храмов южных и западных земель Древней Руси этого периода не позволяет на данный момент определить, являлось ли использование меандра продолжением киево-полоцкой традиции, следствием ориентации на почитаемый местный образец (Спасский собор) или же результатом внешнего влияния.

Применение мотива меандра для кирпичного декора древнерусских храмов, таким образом, можно проследить на протяжении более чем полутора веков — с 1030-х гг. до начала XIII в. Чаще всего использовался меандр простого рисунка — двойной П-образный, более сложные варианты выявлены в важнейших памятниках — Спасском соборе в Чернигове, Киевской Софии, и, возможно, Успенском соборе Печерского монастыря. У исследователей не возникает сомнений, что все три памятника возводились мастерами-строителями, прибывшими из Византии [9]. Мотив меандра в кирпичном декоре, очевидно, был привнесен на русскую почву византийскими строителями.

В раннехристианском и византийском искусстве, наследниках античной культуры, орнаментальный мотив меандра был чрезвычайно распространен и использовался практически во всех видах: миниатюре, тканях, керамике, монументальной живописи и, конечно, архитектуре. В ранневизантийское время меандр украшал чаще всего резные детали оформления карнизов и порталов, а также мозаичные полы монумент-

тальных построек [26]. Использование меандра в керамопластике начинается только в средневизантийском периоде и особенной популярности достигает в поздневизантийский период, более всего на территории Балкан [16, с. 71; 20, р. 258–264; 25; 29, с. 157–162]. Одним из самых ранних примеров использования меандра в керамопластике исследователи считают фриз на восточном фасаде кафоликона монастыря Осиос Лукас в Фокиде (первая четверть XI в.) [17, р. 283]. Фриз между арками окон составлен из выложенных кирпичом S-образных фигур, определяющих направление слева направо (Рис. 4, 1). Кроме этого меандра на обмазке храма сохранился рисунок двухлинейного псевдомеандра, подчеркнутого красной раскраской, идентичного по исполнению таким же рисункам псевдокуфических символов (Рис. 5) [18, р. 387]. К началу XI в., видимо, относится и храм св. Прокопия близ монастыря Ватопед на Афоне, где двойной П-образный меандр венчает центральную апсиду [27, с. 285]. Меандр аналогичного рисунка размещен под карнизом боковых апсид и на уровне пят арок центральных членений боковых фасадов кафоликона монастыря Неа Мони на Хиосе (1045–1053) [24]. Постройки этих монастырей были, несомненно, связаны с императорским заказом; их архитектура выдает прямое участие константинопольских зодчих [18, р. 388].

В самом Константинополе известны более сложные варианты с использованием свастикообразных элементов [28]. Однако классический пример меандра XI в. в уровне пола хор на южном фасаде нартекса Эски Имарет Джами Л. Тайс предлагает относить к перелицовке поздневизантийского периода, равно как и плохо сохранившийся меандр из свастик на северном фасаде Килисе Джами [23, S. 81–82, 95, Taf. 49, 74]. Напротив, меандр из свастик на восточном фасаде Карие Джами, очевидно, относится к кладкам раннего храма конца XI – начала XII в.; эта и черниговская аналогии позволили датировать этим же периодом и давно известный фасад церкви монастыря Христа Человеколюбца, который ранее относили к поздневизантийской архитектуре ([17, р. 284; 22, р. 29–30], ср. [19, р. 49–68; 21, S. 109]). Х. Бухвальд и Г. Веленис считают показательной связь применения сложных меандровых узоров с техникой кладки со скрытым рядом, при которой толстые швы раствора создают контрастный фон рисунку [17, р. 284–285; 25, с. 138]. По их мнению, под влиянием сложных столичных образцов в византийской провинции появились более простые ненаправленные варианты рисунка меандра — в кафоликоне монастыря Дафни (конец XI в.), в Агия Мони около Арейи (1149), церкви Панагии в Мербаке (конец XII — начало XIII в.) в Арголиде, церкви Панагии Крины на Хиосе (конец XII в.), — которые в некоторых случаях к XIII в. превратились в стилизацию разного качества исполнения (Грачаница, Штип, Като Панагия и Влахернский монастырь близ Арты).

Две недавние находки в Закавказье плохо вписываются в хронологическую составляющую этой версии. Фриз, венчающий боковые фасады клерестория базилики Санагире в Кахетии, имеет сложный рисунок, схожий с П-образным псевдомеандром (Рис. 4, 2). Фриз под карнизом центральной апсиды Пицундского собора составлен из отдельных квадратных элементов и представляет собой одно из простейших подражаний меандру (Рис. 4, 3). Если указанные фризы действительно относятся к первоначальным кладкам этих храмов (датировка обоих памятников — вторая половина X в.), то простые закавказские меандры окажутся самыми ранними сохранившимися

примерами этого типа декора. Отметим, что оба храма типологически следует относить скорее к формам закавказской, чем византийской архитектуры, хотя смешанная техника кладки выдает участие византийских мастеров [3].

В Древней Руси простая форма меандра тоже, как было отмечено, появляется уже в первой половине XI в. вместе с более сложными свастикообразными рисунками. Размещение поясов меандра всегда остается в строгой композиционной связи с архитектурой храма, не превращаясь в «ковровый» рисунок, присущий поздневизантийской архитектуре Балкан. Несвойственные сохранившимся константинопольским памятникам разнонаправленность элементов меандра (барабан Черниговского Спаса), а также видоизмененные свастики (барабан Михайловского Златоверхого собора) известны лишь в значительно более поздних памятниках (соответственно церковь Пантократора в Несебре, середина XIV в., и церковь св. Феодора в Трупи (Лакония) (25, пп. 68–69; 26, с. 228, 235)).

Более подробное исследование древнерусской керамопластики, а именно введение в научный оборот старых реставрационных материалов и проведение новых исследований, в том числе археологических раскопок упавших стен несохранившихся древнерусских храмов, могло бы внести больше ясности в общую картину развития декора в средневизантийской архитектуре.

Литература

1. Асеев Ю. С. Архитектура Древнего Киева. – Київ: Будівельник, 1982. – 160 с.
2. Асеев Ю. С. Джерела. Мистецтво Київської Русі. – Київ: Мистецтво, 1980. – 214 с.
3. Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. К вопросу о византийском влиянии на архитектуру Кавказа (IX–X вв.) // Византийский временник. 2013. Т. 72 (97). – С. 247–263.
4. Каргер М. К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 2. Памятники киевского зодчества X–XIII вв. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 662 с.
5. Комеч А. И. Спасо-Преображенский собор в Чернигове (к характеристике начального периода развития древнерусской архитектуры) // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. – М.: Наука, 1975. – С. 9–26.
6. Михеев С. М. Когда был построен Софийский собор в Киеве? // Именослов. История языка. История культуры / Отв. ред. Ф. Б. Успенский. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. – С. 231–243.
7. Ракицкий В. В. Мера, мерки и обмеры Спасской церкви XII в. в Полоцке // История и археология Полоцка и Полоцкой земли. Материалы VI Международной научной конференции (1–3 ноября 2012 г.). Ч. II. Спасо-Преображенская церковь в Полоцке. История. Архитектура. Живопись. – Полоцк: Полоцкое книжное изд-во, 2013. – С. 36–47.
8. Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. – СПб.: Стройиздат, 1993. – 289 с.
9. Раппопорт П. А. О роли византийского влияния в развитии древнерусской архитектуры // Византийский временник. 1984. – Вып. 45. – С. 185–191.
10. Раппопорт П. А., Иоаннисян О. М. О взаимосвязи русских архитектурных школ на рубеже XII и XIII вв. // Сборник радова: Студеница и византийска уметност око. 1200 године. Научни скупови Српске академие наука и уметности. Књ. X. Оделенье ист. наука. Књ. II. – Београд: 1988. – С. 287–294.
11. Холостенко М. В. Нові дослідження Іоанно-Предтеченської церкви та реконструкція Успенського собору Києво-Печерської Лаври // Археологічні дослідження Стародавнього Києва. – Київ: 1976. – С. 131–165.
12. Холостенко М. В. Успенський собор Печерського монастиря // Стародавній Київ. – Київ: 1975. – С. 107–170.
13. Холостенко Н. В. Исследование руин Успенского собора Киево-Печерской лавры // Советская археология. Т. 23. – 1955. – С. 341–358.
14. Холостенко Н. В. Исследования Спасского собора в Чернигове // Реставрация и исследования памятников культуры. – Вып. 3. – М.: 1990. – С. 6–18.
15. Холостенко Н. В. София Киевская и формирование киевской архитектурно-строительной школы // София Киевская. – Киев: 1973. – С. 20–26.
16. Якобсон А. Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX–XV вв. Византия. Греция. Южнославянские страны. Русь. Закавказье. – Л.: Наука, 1987. – 237 с.

17. Buchwald H. Sardis Church E: A Preliminary Report // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 1977. Bd. XXVI. – S. 265–299.
18. Ćurčić S. Architecture in the Balkans from Diocletian to Suleyman the Magnificent (c. 300 – c. 1550). – New Haven, — London: Yale University Press, 2010. – 608 p.
19. Demangel R., Mamboury E. Le quartier des Manges et la première région de Constantinople. – Paris: De Boccard, 1939. – 171 p.
20. Millet G. L'École grecque dans l'architecture byzantine. – Paris: Ernest Leroux, 1916. – 329 p.
21. Müller-Wiener W. Bildlexikon zur Topographie Istanbuls: Byzantion, Konstantinupolis, Istanbul bis zum Beginn d. 17. Jh. – Tübingen: Wasmuth, 1977. – 534 S.
22. Ousterhout R. The architecture of the Kariye Camii in Istanbul. // *Dumbarton Oaks Studies*. – Washington D.C.: Dumbarton Oaks, 1987. Vol. 25. – 157 p.
23. Theis L. Flankenräume im mittelbyzantinischen Kirchenbau. – Wiesbaden: Reichert Verlag, 2005. – 216 S.
24. Voyadjis S. The Katholikon of Nea Moni in Chios Unveiled // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 2009. – Bd. 59. – S. 229–242.
25. Βελώνης Γ. Ερμηνεία του εξωτερικού διακόσμου στη βυζαντινή αρχιτεκτονική. Διδακτορική διατριβή. – Θεσσαλονίκη, 1984. – 320 σ.
26. Δημητροκάλλης Γ. Παλαιοχριστιανικοί και Βυζαντινοί Μαϊανδροί – Αθήνα: Εκδοσεις Γρηγορη, 1982. – 541 σ.
27. Μααλούκος, Σ. Το καθολικό της μονής Βατοπεδίου. Ιστορία και αρχιτεκτονική. Διδακτορική διατριβή. – Αθήνα, 2001. – 393 σ.
28. Πασαδαίος Α. Ο κεραμοπλαστικός διάκοσμος των βυζαντινών κτηρίων της Κωνσταντινουπόλεως. – Αθήνα: Αρχαιολογική Εταιρεία Αθηνών, 1973. – 89 σ.
29. Τσουρής Κ. Ο κεραμοπλαστικός διάκοσμος των υστεροβυζαντινών μνημείων της βορειοδυτικής Ελλάδος. – Καβάλα, 1988. – 365 σ.

Название статьи. Меандр в кирпичном декоре древнерусских храмов.

Сведения об авторе. Ёлшин Денис Дмитриевич — к.и.н., научный сотрудник, хранитель. Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191186. denis.jolshin@gmail.com.

Аннотация. Статья посвящена исследованию мотива меандра в кирпичном декоре фасадов древнерусских храмов XI – начала XIII в. Рассматриваются особенности композиционного размещения и различия в рисунке меандровых фризов Софийского, Успенского, Михайловского Златоверхого соборов, церкви Спаса на Берестове в Киеве, Спасского собора и церкви Параскевы Пятницы в Чернигове, Спасской церкви в Полоцке. Сопоставляя этот материал с синхронным явлением на территории Византийской империи и закавказских государств, автор приходит к заключению, что простые варианты ненаправленного П-образного псевдомеандра применялись с первой половины XI в. параллельно с более сложными вариантами, характеризующими почерк константинопольских мастеров. Размещение меандра в композиции фасадов во всех известных постройках Древней Руси строго подчинено художественному принципу выявления внутренней структуры постройки.

Ключевые слова: архитектура Древней Руси; византийская архитектура; керамопластика; меандр; плинфа; кирпич; кирпичный декор.

Title. Meander Motif in Décor of the Old Rus' Church Masonry.

Author. Jolshin, Denis Dmitrievich — PhD, researcher, curator. The State Hermitage Museum, 34 Dvorzovaia embankment, 191186 St. Petersburg, Russian Federation. denis.jolshin@gmail.com.

Abstract. The paper is focused on the use of the meander motif in décor of the Old Rus' church masonry from 11th to early 13th century. Attention is drawn to compositional peculiarities and the diversity of patterns in meander frieze on church façades in Kiev (St. Sophia, Dormition and Saint Michael's Golden Dome Monasteries, and The Saviour Church at Berestovo), Chernigov (Transfiguration and Saint Parascheva Piatnitsa Churches), and Polotsk (The Saviour Church in the Convent of Saint Euphrosyne). Comparing these with the contemporaneous phenomenon in Byzantine and Transcaucasian architecture, the author comes to a conclusion that from the first half of 11th century the simple non-directional П-shaped patterns and more complicated variants characteristic of the Constantinople builders' style were used in parallel. Meander's place in the façade composition in all the Old Russian churches was meant to disclose the internal structure of buildings.

Keywords: the Old Rus' architecture; Byzantine architecture; ceramoplastics; meander; plinth; brick; masonry, masonry décor

References

- Aseev Iu. S. *Dzherela. Mistetstvo Kiivskoi Rusi (The Sources. The Art of the Kievan Rus)*. Kiyv, Mistetstvo Publ., 1980. 214 p. (in Ukrainian).
- Aseev Iu. S. *Arkhitektura drevnego Kievа (The Architecture of Old Kiev)*. Kiev, Budivel'nik Publ., 1982. 160 p. (in Russian).
- Buchwald H. Sardis Church E: A Preliminary Report. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 1977, vol. XXVI, pp. 265–299.

- Ćurčić S. *Architecture in the Balkans from Diocletian to Suleyman the Magnificent (c. 300 – c. 1550)*. New Haven — London — Yale University Press Publ., 2010. 913 p.
- Demangel R.; Mamboury E. *Le quartier des Manganes et la premiere region de Constantinople*. Paris, De Boccard Publ., 1939, 171 p. (in French).
- Dimitrokallis G. *Palaiochristianikón kai vyzantinón maiándrous (Early Christian and Byzantine Meanders)*. Athens, Ekdoseis Grigori Publ., 1982, 541 p. (in Greek).
- Iakobson A. L. *Zakonomernosti v razvitii srednevekovoi arkhitektury IX–XV vv. (The Regularities in the Development of the Medieval Architecture from the 9th to 15th Century)*. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 237 p. (in Russian).
- Karger M. K. *Drevnii Kiev Ocherki istorii material'noi kul'tury drevnerusskogo goroda (The Old Kiev. Essays on the History of the Material Culture of the Old Rus City)*, vol. 2. Moscow — Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk USSR Publ., 1961, 662 p. (in Russian).
- Kholostenko M. V. The Dormition Church of the Cave Monastery. *Starodavnii Kiev*. Kyiv, 1975, pp. 107–170 (in Ukrainian).
- Kholostenko M. V. The New Research of the St. John Church and the Remodeling of the Dormition Church of the Kievan Cave Lavra. *Arkheologichni doslidzhennia Starodavnogo Kieva (Archaeological Research of Old Kiev)*. Kyiv, 1976, pp. 131–165 (in Ukrainian).
- Kholostenko N. V. Issledovanie ruin Uspenskogo sobora Kiev-Pecherskoi lavry (The Research of the Ruins of the Dormition Church of the Kievan Cave Convent). *Sovetskaia arkhologiia (Soviet Archaeology)*, 1955, vol. 23, pp. 341–358 (in Russian).
- Kholostenko N. V. St. Sophia in Kiev and the Formation of the Kievan Building School. *Sofia Kievskaiia (St. Sophia of Kiev)*. Kiev, 1973, pp. 20–26 (in Russian).
- Kholostenko N. V. The Research of the Saviour Cathedral in Chernigov. *Restavratsiia i issledovaniia pamiatnikov kul'tury (Studies and Conservation of Cultural Memorials)*, 1990, vol. 3, pp. 6–18 (in Russian).
- Mamaloukos S. *The katholikon of the Vatopedi monastery, History and architecture. Doctoral thesis*. Athens, 2001, 393 p.
- Mikheev S. M. When Was the St. Sophia Cathedral Built? *Imenoslov. Istoriia iazyka. Istoriia kul'tury (Name Dictionary. History of Language. History of Culture)*. Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo Publ., 2012, pp. 231–243 (in Russian).
- Millet G. *L'École grecque dans l'architecture byzantine (The Greek School in Byzantine architecture)*. Paris, Ernest Leroux Publ., 1916. 329 p. (in French).
- Müller-Wiener W. *Bildlexikon zur Topographie Istanbuls: Byzantion, Konstantinupolis, Istanbul bis zum Beginn d. 17. Jh.* Tübingen, Wasmuth Publ., 1977, 534 p. (in German).
- Pasadaios A. *The Brickwork Decoration of the Byzantine Buildings in Constantinople*. Athens, Arhaiologiki Etaireia Athinon Publ., 1973, 89 p. (in Greek).
- Rakitskii V. V. Size, Extent and Measuring of the 12th century Saviour church in Polotsk. *Istoriia i arkhologiia Polotska i Polotskoi zemli. Spaso-Preobrazhenskaia tserkov' v Polotske (History and archeology of Polotsk and Polotsk land area. Transfiguration Church in Polotsk)*. Polotsk, Polotskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2013, vol. 2, pp. 36–47 (in Russian).
- Rappoport P. A. On the Role of the Byzantine Influence on the Development of the Old Russian Architecture. *Vizantiiskii vremennik (BYZANTINA XPONIKA)*, 1984, vol. 45., pp. 185–191 (in Russian).
- Rappoport P. A. *Drevnerusskaia arkhitektura (The Old Russian architecture)*. Saint Petersburg, Stroizdat Publ., 1993, 289 p. (in Russian).
- Rappoport P. A.; Ioannisian O. M. On the Links between the Russian Architectural Schools on the Turn of the 13th Century. *Zbornik radova: Studenitsa i vizantiiska umetnost' oko. 1200 godine. Nauchni skupovi Srpske akademie nauka i umetnosti (Collected Papers. Studenica and Byzantine Art ca. 1200. Conference of the Serbian Academy of Science and Fine Arts)*. Beograd, 1988, pp. 287–294 (in Russian).
- Theis L. *Flankenräume im mittelbyzantinischen Kirchenbau*. Wiesbaden, Reichert Verlag Publ., 2005, 216 p. (in German).
- Tsouris K. *The Brickwork Decoration of Late Byzantine Monuments of Northwestern Greece*. Kabala Publ., 1988, 365 p. (in Greek).
- Vinogradov A. Iu., Beletskii D. V. On the Question of the Byzantine Influence toward the Architecture of Caucasus (9th–10th centuries). *Vizantiiskii vremennik (BYZANTINA XPONIKA)*. 2013, vol. 72 (97), pp. 247–263 (in Russian).
- Voyadjis S. The Katholikon of Nea Moni in Chios Unveiled. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 2009, vol. 59, pp. 229–242.